Поле боя не альтернатива дипломатии в Украине

Евгений Прейгерман

Резюме

Последние события в российско-украинской войне показывают, что Киеву вряд ли удастся одержать военную победу. На Западе начинает расти спрос на дипломатическое решение, однако Россия сейчас кажется менее заинтересованной в этом. Чтобы найти ключ к серьезным переговорам, странам Запада следует послать сигналы Москве о том, что стратегическое поражение России не является их главной целью.

Содержание

1 Переговоры и эйфория от успехов на поле боя
2 Сверка с реальностью
3 Реалистична ли дипломатия?

В апреле 2022 года, еще на ранней стадии российско-украинской войны, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель опубликовал известный твит о том, что «война будет выиграна на поле боя». По логике Борреля, единственным способом положить конец конфликту было обеспечить военную победу Украины, которая бы позволила вытеснить российские войска с ее суверенной территории и, таким образом, навязала бы Москве долгосрочный мир.

Переговоры и эйфория от успехов на поле боя

Эта позиция отражала и видение ситуации Киевом после того, как он отказался от первоначальных переговоров с Россией. В феврале-марте 2022 года состоялись три раунда переговоров в Беларуси и четвертый раунд в Стамбуле, где украинская делегация представила список принципов для будущего мирного договора – Стамбульское коммюнике. Документ содержал положения о нейтралитете Украины и набор многосторонних обязательств, чтобы обеспечить его соблюдение. В соответствии с логикой Стамбульского коммюнике российская и

украинская делегации обсуждали проект мирного соглашения. Однако, как только Запад начал крупномасштабные поставки вооружений, а несколько недель спустя мировые заголовки наполнились кадрами из Бучи, для Украины все ставки переместились на поле боя.

Впечатляющие контрнаступательные операции Киева в конце лета и осенью 2022 года, которые вынудили Россию покинуть значительные территории в Запорожской и Херсонской областях, привели в эйфорию сторонников «победы только на поле боя». Они уверенно выдвигали аргумент, что продолжительная поддержка Запада обеспечит быструю и полную победу Украины, включая освобождение Крыма.

Тем не менее, даже в условиях всеобщей эйфории некоторые осведомленные люди на Западе призывали к дипломатическим, а не только военным решениям. Наиболее заметным из них был генерал Марк Милли, в то время председатель Объединенного комитета начальников штабов США. В ноябре 2022 года он сравнил ситуацию в Украине с ранними месяцами Первой мировой войны, заключив: «У вас есть война, которая больше не может быть выиграна военным путем».

> Милли предложил начать переговоры и предостерег от повторения серьезных ошибок, допущенных европейскими лидерами в 1914-1915 годах, когда, несмотря на фактический тупик на поле боя, они решили добиваться полной победы. В итоге это привело к гибели 20 миллионов человек.

Когда в июне 2023 года началось долгожданное контрнаступление Украины, быстро стало понятно, что прав был генерал Милли, а не Боррель (последний теперь признает, что победа Киева «не является сиюминутной» и что он «не видит света в конце украинского тоннеля», но по-прежнему ничего не говорит о реальной дипломатии). Трудно найти лучшее доказательство, чем интервью, которое главнокомандующий ВСУ генерал Валерий Залужный дал изданию The Economist в начале ноября 2023 года. Он почти дословно повторил то, что Милли говорил годом ранее: «Как и в Первой мировой войне, мы достигли уровня технологий, который ставит нас в тупик».

В отличие от Милли, Залужный не выступает открыто за переговоры. Однако если поместить его аргумент в более широкий международный контекст, то становится ясно, что переговоры являются единственной альтернативой тупику.

«Новые, инновационные подходы», которых, по его словам, требует военная победа Украины, представляются просто недостижимыми в обозримом будущем. По словам Залужного, Киеву необходимы господство в воздухе, значительно улучшенные возможности радиоэлектронной и контрбатарейной борьбы, технологии прорыва минных полей, возможность мобилизации и подготовки большего резерва, а также более совершенные системы управления и контроля. Чтобы даже частично удовлетворить эти потребности, Запад должен, как минимум, многократно увеличить свою финансовую и военно-техническую помощь.

Сверка с реальностью

Последнее представляется более сложной задачей, чем просто выделение краткосрочного финансирования. Только масштабные многолетние инвестиции могут гарантировать, что Запад будет иметь достаточно производственных мощностей для удовлетворения потребностей Украины и своих собственных нужд в вооружениях.

При этом даже сохранение западной военной поддержки на уровне 2023 года выглядит сложной задачей на текущий год, не говоря уже о ее увеличении. «Победа на поле боя» становится все менее популярной идеей в большинстве западных обществ. Особенно в условиях, когда война между Израилем и ХАМАС отвлекает основное международное внимание от Украины, а растущие внутренние социально-экономические проблемы в Европе и Северной Америке влияют на предпочтения избирателей.

Помимо серьезно ограниченных возможностей западного военно-промышленного комплекса, которые были очевидны уже в прошлом году, помощь Украине становится жертвой партийных раздоров в Конгрессе США. Демократы и республиканцы на Капитолийском холме никак не могут найти взаимопонимания по поводу запрошенного администрацией Байдена в октябре 2023 года пакета военной и экономической помощи Украине в размере 61,4 млрд долл. Их переговоры пока не дали результата после того, как второй временный бюджет, принятый 14 ноября для продолжения финансирования правительства, исключил средства для Киева.

Американские законодатели, вполне вероятно, все же найдут какой-то компромисс, однако президентская кампания в США проходит на фоне угасающего общественного энтузиазма в отношении поддержки Украины «столько, сколько потребуется». И это не предвещает ничего хорошего для

стратегии, основанной исключительно на боевых действиях. Не говоря уже о том, что в случае возвращения Дональда Трампа в Белый дом политика Вашингтона в отношении Украины может принять непредсказуемый оборот.

> Надежды на то, что Европа сможет заменить США в качестве основного поставщика военной помощи, пока выглядят скорее фантазиями.

Неспособность выполнить собственное обязательство поставить Киеву миллион артиллерийских снарядов к марту 2024 года хорошо показывает разрыв между европейской риторикой и возможностями. Даже несмотря на то, что Германия решила удвоить военную помощь и некоторые другие европейские правительства изучают варианты последовать ее примеру, ряд крупных государств-членов ЕС предпочитают ограничивать свою помощь Киеву громкими заявлениями и полными энтузиазма постами в социальных сетях. Еще более показательно, что многолетние планы ЕС по поддержке Вооруженных сил Украины и ее правительственных расходов сталкиваются с внутренним сопротивлением.

Более того, недавние национальные выборы в Словакии и Нидерландах, а также региональные выборы в Германии показывают, что во многих уголках Европы политические партии, скептически относящиеся к продолжению военной помощи Украине, уже сложно просто списывать как маргинальные. В целом большинство европейцев по-прежнему поддерживают помощь Украине, но считают военную помощь наименее предпочтительной формой поддержки. И чем дольше длится война, тем сильнее «усталость от Украины» будет влиять на результаты выборов по всему ЕС.

Реалистична ли дипломатия?

Эти события, в дополнение к растущим проблемам нехватки человеческого ресурса и эрозии единства в Украине, указывают на высокую вероятность того, что в 2024 году боевой потенциал Киева будет снижаться. Только горизонтальная эскалация войны, которая будет равносильна прямому конфликту между НАТО и Россией, может изменить эту тенденцию. Но именно этого Запад стремится избежать в первую очередь. Следовательно, единственный другой вариант предотвратить затяжную позиционную войну, которая, как предупреждает Залужный, будет выгодна России, – это начать искать дипломатическое решение.

Несмотря на то, что публичные выступления в пользу мирных переговоров с Россией по-прежнему остаются токсичными как на Западе, так и в Украине, все больше западных голосов осторожно предлагают пересмотреть траекторию войны и возродить дипломатическую опцию. Учитывая суровые реалии на поле боя и более широкий контекст войны, который не выглядит благоприятным для Украины, количество таких призывов, вероятно, будет только расти. Однако здесь возникает еще одна проблема.

Хотя Москва, похоже, была готова вести переговоры в первые месяцы войны, сейчас ее настроения изменились, особенно учитывая растущие проблемы Киева. Москва намерена ждать до тех пор, пока как минимум не увидит результаты президентских выборов 2024 года в США. В частных беседах российские чиновники и эксперты повторяют один и тот же тезис: «сейчас время воевать, а не разговаривать».

Некоторые аналитики приходят к выводу, что эта ситуация представляет собой еще один тупик – дипломатический, который делает идею о переговорах нерелевантной. Однако другой аргумент, который я часто слышу в Москве, указывает на потенциальную «точку входа» в переговорные рамки. Его следует изучать по мере того, как западные надежды в отношении Украины смещаются в сторону от «победы только на поле боя».

> Аргумент звучит так: «Пока конечной целью Запада является стратегическое поражение России, Москве не о чем разговаривать с западными представителями».

Многие на Западе быстро отвергнут этот аргумент как нонсенс, утверждая, что единственная цель Запада – помочь Киеву восстановить территориальную целостность и противостоять агрессии в соответствии с основными положениями международного права. Однако Москва видит ситуацию иначе.

Для Кремля согласованные усилия Запада по военной поддержке Украины и удушению России санкциями представляют собой не что иное, как преднамеренную политику стратегического ослабления России до такой степени, когда она будет полностью подорвана как геополитический актор. Более того, именно об этом заявил министр обороны США Ллойд Остин в апреле 2022 года. С тех пор из Вашингтона не поступало никаких сигналов, которые могли бы разъяснить Москве, что заявление Остина имеет какие-либо оговорки.

Таким образом, вместо неизменной ставки на «победу только на поле боя», которая лишь ухудшит положение Украины, западным столицам следует начать доводить до сведения Москвы, что их цели в Украине имеют больше нюансов, чем просто стратегическое поражение России. И что они готовы продемонстрировать это, если начнутся серьезные переговоры о прекращении войны и о будущем европейской безопасности. Москва вряд ли примет это предложение моментально. Но если дипломатия выдвинется на первый план, то «оттенки серого» в отношении войны в самой России в конечном итоге сделают возможным дипломатическое решение конфликта.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»